

Юрий Иванов

ТИТАНОВИКА

дубль 1

Юрий Иванов

Титановка. Дубль первый

«Автор»

2020

Иванов Ю. Е.

Титановка. Дубль первый / Ю. Е. Иванов — «Автор», 2020

Есть на Волге деревня, в которой живут Титаны. Не верите - спросите у Васьки-Семечника. Он вам с удовольствием расскажет, что...

© Иванов Ю. Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

КРОЛИКИ	5
ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юрий Иванов

Титановка. Дубль первый

КРОЛИКИ

Грунтовая дорога петляла среди невысоких зарослей дикого терновника. Машину трясло. Старый, раздолбанный «УАЗик» то и дело уводило из колеи, бросая на обочину, ветки терновника хлестали по машине, оставляя на ней размазанные ягоды.

Деда Яткера подбросило на очередной кочке. Он больно ударился о металлическую ручку двери, и стиснув зубы простонал:

– Ну какого ты, Васька, несешься?! Куда опаздываем...

– Не могу, дед, тише нельзя, – перекрывая шум, крикнул водитель: Увязнем!

Подтверждая его слова, двигатель надрывно заревел. «Зью-й-ю-у-у» просвистели колеса, зачерпывая протекторами жидкую грязь. Полетела коричневая «каша», забрызгивая стекло.

– Ну вот! – от досады дед Яткер хлопнул себя по коленям.

– Насмотрелся! Всю панораму загадило! – Шофер, не обращая внимания на болтовню, резко крутанул руль вправо. «УАЗ» тряхнуло, и он, пройдя юзом по глине, добрых сто метров, выскочил на желтеющую стерню.

– Теперь доедем, отец, – довольно сообщил Василий.

Дед Яткер, все это время сидящий на полу кабины, пошарил под собой рукой, нащупал мешковину, набитую сеном, подтянул, сел сверху.

– Уж тебя, – в пустоту бросил он. – Васкаль, слышь, ну не гони теперя! По стерне пошли, не увязнем ведь! Не гони, говорю, а то кроликов смутит, убирать придется, – дед хитро прищурился.

– Ну ты, дед и уберешь, – невозмутимо сказал, как отрезал, Василий. Машина обогнула лесок, выскочила к широкому рукаву ерика, пошла рядом, оставляя позади себя примятую траву.

– Ока, глянь, Вась, смотри, как щука мелочь пужает!

– Угу, пугает, – согласился Василий. – Дед, а дед, лодку отдай, – воспользовавшись предложением, попросил водитель.

Дед Яткер задумался:

– Лодку? Оно-то, конечно, могу вернуть, а чо Варюхе-то сбрешем?

– Ну-у... – Василий задумался. – Обстряпаем, – не придумав ничего лучшего, пообещал он.

До самой деревни ехали молча.

– Йе-э-э! – разнесся звук клаксона, распугивая неповоротливых уток толкущихся на дороге.

– Кхе, кре, кря... – Утки, виляя толстыми задами, кинулись врассыпную.

«УАЗ» понесся дальше, гремя рассыпанным в ведре инструментом.

– Чтoб ты! – Дед завернул. – Ты чо, хочешь моей бабке вместо кролов котлеты в шубе привезти?! Я не для этого их на ярмарке купил! ...

Водитель отпустил педаль газа, машина, сбавив обороты, покатила ровнее. Кролики, забившись под сидение, натужно сопели. Дед схватил одного за холку, вытянул перед собой, глянул в мордашку, подмигнул:

– Счас прибудем, – доложил он кролу.

Тот поднял уши, перестал пыхтеть.

– Умный, крол, как тебя... эта... называли? Эй, Василь, – позвал дед водителя.

– Чо? – откликнулся тот.

– Как кролей на рынке баба обозвала-то?

– Кажется, шиншиллы, говорила.

– Верно! Так вот, шиншил! Приедем, шиншилят рожать бабке моей будешь!

Водитель гоготнул.

Кролик смотрел на старика преданными глазами.

– Гуляй пока, – дед отпустил животное, и оно поспешно забилося под сиденье ближе к сородичам, засопело.

– У-ох! – раздался веселый вопль Василия.

Деда Яткера подбросило к потолку, машина нырнула в глубокую яму, подпрыгнула...

– Прибыли! – сквозь скрип колодок провозгласил водитель.

Кряхтя, Яткер стал собирать кролов, сажать в большую плетеную корзину, с упреком бросил водителю:

– Просил же тя! Знаешь, как задницу отбил!

– Ну забыл я, – оправдывался Василий.

Дед хлопнул дверцей, закосолапил к калитке.

Водитель выбросил бычок, безнадежно крикнул:

– Дед, а как же лодка?

Яткер остановился, опустил корзину:

– Вечером заходи, обмозгуем.

Машина сорвалась с места, понеслась дальше, в конец, уставленной кособокими домишками, улицы.

Старик отнес кролов на базы, расселил по клеткам. Сел на березовый чурбан, закурил.

– Ну и хорошо, – сказал он, выпуская облачко дыма.

Старухи дома не было. Яткер, обрадованный удачей, полез на подловку за старой надувной лодкой Василия. Приставил лестницу к чердаку, забрался на первую ступеньку.

– Весной это было? – спросил он самого себя. – Весной, точно помню: Васька с Катериной поссорился и запил тогда, – он перешел на вторую ступеньку.

– За самогоном приходил, к кому ж еще ему идтить?

– К кому ж еще, как не к моей старухе, она...-тфу! – сплюнул старик.

– Монополистка! Денег, конечно, у мужика не было...

Он поднялся на последнюю ступеньку, открыл дверцу чердака.

– ...Вот теперя, стало быть, лодку у старухи и тырим! – подытожил дед.

Яткер спрятал лодку на берегу ерика под стогом сена. Вернулся домой.

– Приехали! Явились! – старуха с порога накинулась на мужа.

В сердцах шваркнула кастрюлю на плиту, подошла к старику поближе, обнюхала.

– Не пил? – удивилась она.

– С чего ж это пить-то? – обиделся старик. – Я кроликов купил. Шиншил. А Васька-то Куприянов себе сети новые приобрел, обещал рыбкой угостить...

Гнев жены поубавился.

– Давай ужинать, а то коровы скоро придут, доить надо... Сегодня твоя очередь, а то у меня... – Старуха прогнулась в спине, там что-то хрустнуло. – О, слышал?! – она подняла указательный палец.

Яткер уныло кивнул, пошел к выходу.

– Э, а есть?

– Не хочется, – старик вышел на открытую веранду.

По улице важно шел, погоняя коров, пастух Иваныч.

– Здорово, Иваныч! – крикнул старик.

Пастух остановился, стал взглядом искать того, кто его окликнул. Увидел.

– Здорово, Яткер! – заорал он на всю улицу. – У меня к тебе дело! Выйди-ка!

Старик спустился, вышел за калитку:

– Ну, какие дела?

Пастух потупил глаза.

– Чо пропил? – догадался Яткер.

– Движок. Последний был, – промычал пастух.

– Му-у, – поддразнил старик. – Не могу.

– М-м-м, ну Яткер... – замычал Иваныч.

– Ладно-ладно, дам любой, только не мычи, перед коровами стыдно.

Вечером приходи задами, и чтоб ни одна душа...

– Ни-ни, – уверил старика пастух.

В густых сумерках Василий пробрался к огородам Яткера. У фонарного столба рядом с забором кто-то копошился. Разобрать в темноте было трудно.

– Старая, – прячась, пробормотал Василий.

– Кто здесь? – спросила фигура.

– Сосед, ты? – осмелев, ответил Василий.

– Я, – отозвался Иваныч. – Фу ты, испугал. Я уж думал, старая. Дозор ночной учинить решила.

– Ты зачем? – поинтересовался Василий, подходя вплотную к пастуху.

– Насос пропил, – пожалился тот. – Третий день воду из колодца ведрами черпаю. Вот смотри, – он протянул свои ладони. – О какие мозоли натер.

– Вижу, – ничего не увидев в темноте, ответил Василий.

– А ты за чем? – задал вопрос пастух.

– За лодкой, – нехотя признался водитель.

– С нас магарыч причитается, – хихикнул Иваныч.

– Знаю, – подтвердил Василий. – Идем отсюда, пока старуха свет не включила.

Две тени, пригибаясь, как под обстрелом, промелькнули к реке. На столбе, несколько раз моргнув, вспыхнула лампочка. Старуха бдила.

На рассвете Василий постучал в окно дома Яткера. За окном показалась заспанная, в ночной рубашке жена Яткера, присматриваясь, сощурилась:

– Василий? Чо так рано? – недовольно пробурчала она.

– Баб Варь, поллитра, – Василий, показал пустую пластиковую бутылку из-под «Айрон-брю».

Старуха оценивающе посмотрела на мужика.

– В долг не дам, – предупредила она.

– Зачем в долг? – удивился Василий, протянул «десятку».

– Сейчас, обожди немного! – лицо старухи просветлело и нырнуло за шторку.

Василий извлек из кармана измятую пачку «Примы», закурил.

– Эй, Васька, – окликнула старуха. – Держи. – Она просунула в форточку баклажку с желтоватой жидкостью, высунулась следом. – Вась, а Вась, – вкрадчиво поинтересовалась она. – Может, еще возьмешь? Что зря мотылятса-то через всю деревню, гляди, какая грязьца-то!

– Заботливая ты, баба Варя, – расплылся в улыбке Василий. – Ну, неси.

Он порылся в карманах, достал тридцать рублей:

– На все!

Баба Варя сгрела деньги, растворившись, на сей раз быстрее прежнего. В конце улицы, поднимая пыль, появилось стадо пятнастых коров. Бабы выгоняли скот в стадо.

– Гей, хей! – сзади, пощелкивая бичом, брел Иваныч.

Его шибало из стороны в сторону.

– Нажрался с утра, – ехидно уронила старуха, протягивая бутылки.

Василий распахал их по карманам и направился навстречу стаду. Поравнявшись с пастухом, они заговорщицки перемигнулись:

– В Степашиной балке? В семь...

Василий пошел дальше по улице к гаражам МТМ.

Коровы разбрелись по балке, лениво щипали траву. На поляне около ручья сидели трое: Василий, пастух Иваныч и дед Яткер.

– Разливай! – моргая осолопевшими глазками, изрек Иваныч.

Василий твердой рукой плеснул самогонку в стаканы.

– Ну, будем...

Все разом ахнули.

– М-м-а-а, – заворчал, морщась, Яткер. – Хороша, зараза. Хрумкнул редиской, затянул татарскую песню. Василий несмело поддержал мотив. Яткер тряхнул головой, не глядя, протянул свой стакан.

– Плесни! – приказал он совершенно незнакомым тоном.

Василий и Иваныч переглянулись.

– Чо смотришь? – прорычал Яткер на Василия. – Ужраться хочу я! Имею право!

– Праздник какой? – уточнил Иваныч.

– Варюха на неделю к сестре в город умотала. Конец Берлинской стене!

Вечером возле дома Яткера собралось полдеревни. Тащили насосы, моторы, миски...

– Дрель, дрель верни! – кричали в толпе.

– Яткер, бидон посмотри люминевый с заклепкой на боку!

Толпа напирала. Счастливый Яткер выгребал из крольчатника разнообразный хлам.

– Забирай, разбирай, где чье!

В глубине сарая Василий и Иваныч помогли Яткеру выносить скопленные старухой вещи.

– Сколько насобирала, дура старая! – возмущался пьяный Яткер.

– Хламевища ядреная!.. Кролям дышать нечем!..

Люди, соглашаясь с тем, что воздух для кролов важен, растаскивали вещи по домам.

– Ох, батюшки! Ох, обворовали! – дуром орала на все село баба Варя.

– Обворовали! – голосила бабка.

Соседи, сбежавшись на крики, весело наблюдали за мытарствами скупой старухи.

– Яткер, дед, где же ты?! Дурень окаянный!

Яткер показался на тропинке с ведром и удочками, заметно пошатываясь и мурлыкая себе под нос что-то веселое.

– Варюха! – обрадовался дед, увидев старуху. – Ва-рю-ха! А я – «под му-хой»! – растягивая слова, самодовольно заявил он.

Он расхохотался, обрадовавшись родившейся шутке, сделал неосторожный шаг, оступился, судорожно стал зачерпывать воздух руками. Полетели удочки, взметнулось ведро и вместе с зеленоватой речной водой, блестя на солнце чешуей, в ерик полетел весь дневной улов старика.

– Во, допрыгался, старый! – почти плача, выдавила баба Варя.

– Нас обворовали, насосы украли, посуду алюминиевую, а он смеется, гад.

Яткер с трудом приподнялся на локтях, глянул на жену, заплетающимся языком прошамкал, передразнивая:

– Укра-а-ли, обворова-а-ли!.. Дура ты, Варюха! Моторы кролики зарыли. В землю говорю.

Голова старика упала, тело содрогалось: он хохотал. Старуха в надежде кинулась к крольчатнику, прихватив по дороге совковую лопату. Послышалась возня, брань, методичные удары лопаты о мягкий грунт.

– Давай, Варюха, копай глубже, точно говорю, моторы там! Ха-ха! Кролы... ха-ха-ха...

– громко кричал Яткер.

В сарае что-то хрустнуло. Наружу полетел обломок черенка и штык лопаты.

– Чтоб ты! – выругалась старуха.

– Да ты копай, рой, Варюха, ха-ха-ха! – не унимался дед, катаясь по земле от хохота.

– Копая, милый, уж до водицы докопалась, – старуха выдернула из поленницы сучковатое березовое бревнышко, направилась к мужу. – Копая, батюшка, помощничек ядреный, – она занесла полено над мужем... И опустила аккурат на лоб.

– Ы-э-х! – выдохнул старик, его смех прервался.

– Убила? – старуха упала на колени, стянула с головы платок и припала к груди деда.

– Точно убила – не дышит! – растерянно прошептала она.

– Милый ты мой! Зашибла я тебя! – всхлипывая, стала причитать баба Варя.

Толпа за оградой притихла.

– В чем дело? Что тут интересного? – раздался волевой голос из-за толпы.

– Да тут человека убили, – уронил кто-то из толпы.

– Посторонись, пропусти милицию! – невозмутимо ответил тот же голос.

Толпа расступилась. Здоровенный детина, лет тридцати пяти в выцветших трико с отвисшими коленками, в галошах на босу ногу, в застиранной майке неопределенного цвета, ступил в огород.

– В чем дело, я спрашиваю, – участковый поправил форменную фуражку, единственное доказательство его принадлежности к «органам».

– Тут я, Лев, сюда иди! Скорее! Я мово... – баба Варя запнулась, отрывая зареванное покрасневшее лицо от груди мужа. Участковый двинулся ей навстречу. Баба Варя поднялась с колен.

– Даже не знаю, как случилось... – она обернулась к Яткеру и обомлела: старика рядом уже не было.

– Где жертва? – спросил, приблизившись, участковый.

– Я – жертва! – с обидой закусывая губу, проскулила баба Варя.

– Где убитый?

– Вон, симулянт! – старуха указала рукой на колышущиеся ветки кустарника. – Утек, зараза!

Участковый пожал широкими плечами, лениво повернулся, двинулся к калитке.

– Чо столпились, рты пораззявили? – грубо сказал он собравшимся. – Расходимся! – и с долей сарказма добавил, оборачиваясь к бабке.

– Эй, жертва, слышь, форму верни!..

Прятали деда Яткера всем селом: по чердакам, подвалам. Пока старуха обыскивала одних, его хоронили их соседи.

– Мово непутевого не видали? – с порога спросила баба Варя.

– Чем же он тебе непутевый? – вопросом ответила вдовствующая Кузьминична. – Справный вроде бы был мужик. Или, может после полена повредилось что?

Баба Варя молча заглядывала под кровати и в шкафы.

– Добро он нам сделал, слышь, Варюха, большое добро! – встрял в разговор маленький старичок, сосед.

В дверях толпились зеваки.

– И то правда, Варя, прости ты его, ведь не с дури, не со зла отдал людям добро-то, – сказала хозяйка дома. – Ты же за самогон у мужиков все скупила.

– Сами несли, не неволила, – огрызнулась баба Варя. – Пускай жены смотрят за мужьями своими, что из дома тащат!

Старичок – сосед деловито присел табуретку у порога, стал набивать махоркой самодельную трубку из вишневого дерева:

– А шо, ежели не вернется Яткерка? – осведомился он.

– Как? – недоуменно уставилась на него баба Варя.

– А вот так! – старичок чиркнул колесиком зажигалки, выпустил облачко дыма. – П-па... п-а... Ищи Варюха, супруга свою, может, кады и сыщешь...

Баба Варя копошилась в огороде, выдергивая корневища давно отошедших помидоров, когда позади нее в крольчатник прошмыгнула чья-то тень.

– Нету, нету, – в недоумении приговаривал Яткер, в пятый раз перетрясая тюк соломы в углу сарая... В дверном проеме, загораживая свет, возникла фигура жены.

– Где семь дней пропадал? – тихо осведомилась она.

Старик промолчал. Старуха решила пойти с другого конца.

– С чем пожаловал?

– Да эта... Кроликам сенца надо дать, водички сменить... Вон у того мордастого и вовсе нету, спекся, бедный на солнышке.

Бабка довольно покачала головой и напрямик спросила:

– Бутылку никак ищешь, старый?

Яткер, щурясь, посмотрел в лицо жены:

– Отдай! Богом прошу, верни, Варя!

– Кролики выпили, – кокетливо поправляя платок, ответила старуха.

– Как – кролики? – растерялся Яткер.

– Ну ты где бутылку оставлял-то?

– В клетке, – вспомнил старик.

– Бутылка-то какая? Пластмассовая?

Яткер кивнул.

– На клетке посмотри, – посоветовала старуха мужу.

Старик запустил руку на крышу клетки, пошарил, достал оттуда бутылку. Из прогрызенного отверстия на ладонь старика вытекли остатки содержимого. Яткер поднес руку к носу: самогон.

– Ну я ж и говорю, они выпили, окаянные, – баба Варя равнодушно повернулась и направилась в огород, по дороге созывая цветных кур. – Цыпа, цыпа, цыпа...

– Все выжрали! – с ненавистью сказал Яткер: комок горечи подкатил к горлу.

– Прочь! Всех на... Прочь, гады!

Старик заметался по сараю, распахивая клетки, выкидывая перепуганных кролов на землю.

– Во-о-он! – неся из сарая охрипший голос старика.

Кролики в испуге прыгали по огороду прочь от сарая, выскакивали из дверей, подгоняемые криками Яткера. Их было много: бабочки, шиншиллы, великаны... Яткер оперся руками на завалинку, тяжело дыша, смотрел, как разбегаются его любимцы.

– Стойте, – очень тихо прошептал он.

– Варя, – позвал он жену.

Но она его не услышала, продолжая пропалывать огород.

–Эй, Яткер,– раздался голос соседского старичка, наблюдавшего за происходящим через щель в заборе.– Чего кролов-то распустил?

–Кормить нечем, – нашелся Яткер. – А у тебя ...капуста... хорошая... уродилась...– сквозь слезы сказал он, стискивая зубы.

–Ты с ума сошел? – уточнил сосед. Яткер не ответил.

Некоторое время старичок обдумывал услышанное, затем опрометью кинулся к своему дому:

–Мать! Слышь, мать, чо он удумал? Своих кролов нашей капустой кормить!

За забором, забыв о ревматизме, соседи выдирали из земли недозревшие кочаны капусты

...

По испещренному морщинами лицу Яткера медленно текли слезы. Дед поморщился, утер тыльной стороной ладони мокрое лицо.

– Бегите, – спокойно сказал он, – в его голосе звучали забота и любовь, какую питают родители к своим детям. – Набегайтесь и вернетесь!

Кролики, ошалевшие от свободы, бежали к дальним огородам за которыми открывался густой лес.Старик повернулся и побрел к верстаку: мастерить очередную клетку для кроликов.

– Снег выпадет, вернетесь, – бормотал старик. – А я вам новые домики пока смастерю. К зиме точно вернетесь, – остругивая рубанком неровную серую дощечку, приговаривал Яткер.

ОСЕННЯЯ РАПСОДИЯ

Осень пришла рано и была щедра и плодovита на разные ягоды и грибы. Особенно год выдался богатым на ягоды. Сколько их было. Бабка Валентина такому подарку судьбы несказанно обрадовалась. Еще бы дармовое все – иди и бери, все ничье, а значит – твое. Уже не раз на попутках ездила предприимчивая женщина на рынок в райцентр. Корзинки с лисичками и подосиновиками буквально отрывали с руками городские жители. В любую погоду шла в лес бабка, как на работу, а оттуда напрямиком на рынок. Торопилась, поспешала, пока лес гостинцы, подарки осенние даром раздает.

Вернувшись поздно вечером с рынка с опустевшими кошелками, села Валентина за сосновый стол барыши за день заработанные пересчитать. И только тут вспомнила она, что в выходные дочь с семейством пожаловать обещалась, а в доме ни ягод моченых ни грибов соленых. Все продала подчистую. Вспомнила баба Валя, как по весне едва только завязались зеленые плоды яблочек, посрывала она их, в газетку завернула и вместе с тыквенными семечками снесла на рынок. А когда внуки летом гостили в деревне пришлось у вредной соседки Зинки яблоки то деткам покупать.

Малой спрашивал: " Ба, а чего эт у соседки яблоки есть, а у нас нет? "

– Дак неурожайный год выдался, милый, – в подтверждение ее слов за забором под тяжестью спелых "Мантетов" захрустела и рухнула в траву большая обсыпанная яблоками ветка.

– Ох, бережливость моя!... – сокрушалась бабка, пряча в комод завернутые в тряпицу денежки.

Решила Валентина наведаться в дальний лесок поутру, помнила она еще с детства какие там места плодovитые. Укладываясь спать вспоминала, как с мамкой еще ребенком, каждую кочку, каждый бугорочек там облазила на коленках и вкус сочных спелых ягод, тающих во рту вспомнила, хоть вскакивай да беги ночью ягоду собирать. А еще вспомнила бабка, как зять очень уважает эту ягодку в настоечке. Затемно, прихватив две огромные плетенки, отправилась Валентина на незамысловатый промысел.

Солнце еще только собиралось оторваться от горизонта, а у Валентины уже обе корзинки были доверху забиты блестящей от росы клюквой. Тяжелые корзинки бабка поднять не смогла и тоском, как могла, тянула за собой по траве. Умаявшись, она решила, наконец, перевести дух, да от увиденного плашмя упала в высокую траву. Не более чем в километре от нее по полю шла внушительная процессия. И не было бы ничего в этой процессии вызывающего, если бы не знакомый цвет арестантских роб с белыми нашивками номеров.

– Батюшки, убежали! – запричитала Валентина, припомнив, как пару лет назад из расположенной неподалеку колонии сбежали трое опасных преступников. Правда, их сразу поймали, найдя пьяными в местном магазине, но – то трое зеков, а тут, не иначе целый взвод. Организованный массовый побег.

– Что же делать-то? – запричитала бабка, в растерянности ползая от корзинки к корзинке по стерне. Кого звать? Милицию? Полицию? Кому звонить? Звонить!

Валентина вспомнила, что телефон подаренный дочкой с ней. Валентина набрала номер полиции и услышала длинные гудки. На нее накатила волна отчаяния. Возникло непреодолимое желание превратиться в бабочку, или кузнечика... на худой конец, она была согласна даже на червяка, но только чтобы прямо сейчас и, оказаться подальше от этого распроклятого места, а уж если бы и корзинки с ягодой дома очутились...

Инстинктивно руки стали царапать мягкую, рыхлую землю. Еще бы немного и баба Валя непременно бы выкопала окоп в полный профиль, но тут из телефона, отвлекая ее от дела донеслось: " 131 отделение полиции... Слушаю Вас!"

– Сбежали! – запричитала Валентина, заключенные из колонии под "Погорями"!

– Заключенные? Из-под "Погорей"? – удивленно переспросила трубка.

– Они тут недалеко в лесочке, человек сорок, может поболее... Сынок приезжайте...

В дежурку заглянуло широкое, веснушчатое лицо сержанта.

– Ну, ты готов? Опоздаем к клеву!

Дежурный взглянул на часы.

– Тут сигнал поступил, надо бы проверить.

Лицо сержанта исчезло и снова возникло в дверном проеме: " Удочки не забудь, как в прошлый раз!".

Дежурный кивнул, накручивая диск на допотопном телефонном аппарате.

– ФГУ № 13? – поинтересовался дежурный. Сигнальчик поступил. У вас извиняюсь, заключенные побег не совершали? Нет? Ясно!

Дежурный скинул китель и, повесив его на спинку стула, схватил стоящие в углу удочки и засеменял к поджидающему его под окном полицейскому "Уазику".

Бросив корзинки на произвол судьбы, бабка, спасая свою жизнь, ползла на карачках домой. И до дома то оставалось проползти совсем ничего, километров семь, но тут она уперлась в чьи-то кирзовые сапожищи воняющие гуталином.

– Мамаш, ты чего ползаешь то? – раздался сверху чей-то сиплый, прокуренный голос и чьи-то сильные руки подхватили женщину и, крутанув в воздухе, поставили на ноги.

– Грибы собираю, – соврала Валентина и в доказательство достала из кармана кофты несколько подберезовиков, которые она не смогла просто так бросить в лесу.

– Ты это, мать... ты тут эков не встречала? – спросил здоровый детина с крепкой как у быка шеей. Ищем мы их...

И только тут бабка Валентина заметила, что на детине была не тюремная роба, а армейская спецовка, раскрашенная в защитный зеленый цвет. А за его спиной, растянувшись по полю широкой цепью, внимательно осматривая каждый кустик, шли мужики в такой же форме.

– Ищите эков?! Так вон тама они, – замахав руками, словно вертолет лопастями обрадовалась она.

– Иди-ка ты лучше домой, мать... от греха подальше, – сплевывая окурок в траву посоветовал детина.

Долго упрашивать бабку Валю не пришлось. Она ринулась домой по самому короткому из возможных путей – через густые заросли дикого терновника. Уже через час она стояла у своей калитки, в разодранной на лоскуты одежде, поцарапанная, но счастливая, что удалось живой и почти невредимой убежать от смертушки.

Переодевшись и переведа дух, бабка Валя бросила запаренного зерна курам, напоила корову, сунула кролям в клетки свежего сенца... и заскучала. Вспомнила об оставленных в траве корзинках, о ягоде. Жалко ей добра брошенного стало, да и просто грызло в груди, свербело ее простое бабское любопытство: "Как там служивые, повязали арестантов, или нет? Прихватив пустой рюкзак, чтоб ягоду разложить, Валентина отправилась в обратный путь.

– Боженьки мои! – всплеснув руками запричитала Валентина прячась за березку. Что же это в мире творится, куда все катится? Не иначе, Конец Света скоро.

На полянке бабка увидела черные роботы эков вперемежку с армейскими спецовками. Но это не было похоже на результат кровавого побоища. Да и крови видно не было. Зеки и вояки сидели вокруг большого костра и кашеварили. До бабки долетел приятный, щекокающий нос аромат. У нее, с ночи не евшей еще, предательски заурчало в животе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.